

CULTURE

Zeev Bar-Sella

Три автобиографии Исаака Бабеля

Первая автобиография Исаака Бабеля не предназначалась для печати — это Curriculum vitae, которое 20 ноября 1916 г. студент 6-го семестра Киевского коммерческого института Бобель И. Э. приложил к прошению о допуске к сдаче выпускных экзаменов.

Родился 30 июня 1894 года в Одессе. До 11½ лет жил в г. Николаеве, где поступил в Коммерческое училище имени С. Ю. Витте. Затем перевелся во 2-й класс Одесского коммерческого имени императора Николая I Училища, которое окончил в 1911 г. В том же году поступил в Киевский Коммерческий Институт, где прослушал полный курс наук по Экономическому Отделению.

Киев, 31.8.15.¹

Период публикаций наступил лишь десятилетие спустя — в 1926 году, в сборнике «Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков». Приведем этот текст с сохранением всех орфографических особенностей:

Родился в 1894 г. в Одессе, на Молдаванке, сын торговца еврея. По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, библию, талмуд. Дома жилось трудно, пото-

---

© Zeev Bar-Sella, 2014

© TSQ № 48. Spring 2014

¹ Державний архів м. Києва. Ф. 153. Оп. 7. Ед. хр. 239. Л. 3 (автограф); опубл.: *Спектор У.* Молодой Бабель // Вопросы литературы. 1982. № 7. С. 278. Приношу свою благодарность Е. И. Погорельской за многочисленные уточнения.

му что с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе. Школа моя называлась Одесское Коммерческое имени Императора Николая I училище. Это было веселое, распущенное, шумливое, разноязычное училище. Там обучались сыновья иностранных купцов, дети еврейских маклеров, сановитые поляки, старообрядцы и много великовозрастных билиардистов. На переменах мы уходили бывало в порт на эстокаду <sic!> или в греческие кофейни играть на билиарде, или на Молдаванку пить в погребах дешевое бессарабское вино. Школа эта незабываема для меня еще и потому, что учителем французского языка был там М-г Вадон. Он был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Он обучил меня своему языку, я затвердил с ним французских классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке. Я писал их два года, но потом бросил; пейзажи и всякие авторские размышления выходили у меня безцветно <sic!>, только диалог удавался мне.

Потом после окончания училища я очутился в Киеве и в 1915 г. в Петербурге. В Петербурге мне пришлось ужасно худо, у меня не было «правожительства», я избегал полиции и квартировал в погребе на Пушкинской улице у одного растерзанного пьяного официанта <sic!>. Тогда в 1915 г. я начал разносить мои сочинения по редакциям, но меня отовсюду гнали, все редакторы (покойный Измайлов, Поссе и др.) убеждали меня поступить куда-нибудь в лавку, но я не послушался их и в конце 1916 г. попал к Горькому. И вот — я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением. Он напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке «Летописи» за 1916 год (я был привлечен за эти рассказы к уголовной ответственности по 1001 ст.), он научил меня необыкновенно важным вещам, и потом, когда выяснилось, что два-три сносных моих юношеских опыта были всего только случайной удачей, и что с литературой у меня ничего не выходит и что пишу я удивительно плохо, — Алексей Максимович отправил меня в люди. И я на семь лет — с 1917 по 1924 — ушел в люди. За это время я был сол-

датом на румынском фронте, потом служил в Чека, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 г., в северной армии против Юденича, в 1-й Конной армии, в Одесском Губкоме, был репортером в Петербурге и в Тифлисе, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч. И только в 1923 г. я научился выражать мои мысли ясно и не очень длинно. Тогда я вновь принялся сочинять. Начало литературной моей работы я отношу поэтому к началу 1924 г., когда в 4-й книге журнала «Леф» появились мои рассказы «Соль», «Письмо», «Смерть Долгушова», «Король» и др.

И. Б а б е л ь

Сергиев Посад
Ноябрь 1924

БИБЛИОГРАФИЯ

«КОНАРМИЯ». (Выходит).

«ОДЕССКИЕ РАССКАЗЫ». (Выходит).

«РАССКАЗЫ». Изд. «Огонек». М. 1925.

Отдельные рассказы: в журн. «Леф», «Красная Новь», Альман. «Круг» и др.²

Дошел до нас и источник данной публикации — это автограф И. Бабеля, хранящийся в собрании Научно-исследовательского отдела рукописей (НИОР) Российской государственной библиотеки (Москва)³:

Л. 1.

1.

И. Бабель

Родился в 1894 году в Одессе, на Молдаванке, сын торговца еврея. По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, библию, талмуд. Дома жилось трудно пото-

² Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. Под ред. Вл. Лидина. М.: Современные проблемы — Н. А. Столяр. 1926. С. 27—29.

³ РГБ НИОР. Ф. 178. Карт. 9585а. Ед. хр. 1. Лл. 1—3; В квадратных скобках даны [вычеркнутые написания]; жирным курсивом — *вставки и замены*.

му что с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе. Школа моя называлась Одес[к]ское <sic!> Коммерческое имени Императора Николая I училище. Это было веселое, распущенное <sic!>, шумливое, разноязычное училище. Там обучались сыновья иностранных <sic!> купцов, дети еврейских маклеров, сановитые поляки, старообрядцы и много великовозрастных бильярдистов. На переменах мы уходили бывало в порт на эстокаду <sic!> или в греческие кофейни играть на бильярде или на Молдаванку пить в погребках дешевое бессарабское вино. Школа эта незабываема для меня еще и потому что учителем французского языка был там м-р Вадон. Он был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Он обучил меня своему языку, я затвердил с ним французских классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать [разскз] рассказы <sic!> на французском языке. Я писал их два года, но

Л. 2.

2.

потом бросил; пейзаж и всякие авторские размышления выходили у меня [очень] безцветно <sic!>, только диалог удавался мне. Потом после окончания училищ[e]a я очутился в Киеве и в 1915 году в Петербурге. В Петербурге мне пришлось ужасно туго, у меня не было «правожителства», я избегал полиции и квартировал в погребке на Пушкинской улице у одного растерзаного <sic!> пьяного официанта <sic!>. Тогда в 1915 году я начал разносить мои сочинения по редакциям, но меня отовсюду гнали, все редакторы (покойный Измайлов, Поссе и др.) убеждали меня поступить куданибудь в лавку, но я не послушался их и в конце 1916 года попал к Горькому. И вот — я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением. Он напечатал первые мои рассказы <sic!> в ноябрьской книжке Летописи за 1916 г. (я был привлечен за эти рассказы <sic!> к уголовной ответственности по 1001 ст.), он научил меня необыкновенно важным вещам и потом когда [я] выяснилось,

что два-три сносных моих юношеских опыта были всего только случайной удачей и что с литературой у меня ничего не выходит и что пишу я удивительно плохо — Алексей Максимович отправил

Л. 3.

3.

меня [тогда] в люди. И я на семь лет — с 1917 по 1924 — ушел в люди. За это время я был солдатом на румынском фронте, потом служил в Чека, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 года, в северной армии против Юденича, в 1 Конной армии, в Одесском губкоме, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч. и проч. И только в 1923 г. я научился выражать мои мысли ясно и не очень длинно <sic!>. Тогда я вновь принялся сочинять. Начало литературной моей работы я отношу поэтому к [концу] *началу* 192[3]4 г. когда в 4 книге журнала Леф появились мои рассказы <sic!>: Соль, Письмо, Смерть Долгушова, Король и др. — ⁴

Нетрудно отметить черты графического идиолекта Бабеля. Это реликты старой орфографии:

«разсказы» (ЛЛ. 1—4); «безцветно» (Л. 2).

Последний пример, впрочем, не резал глаз и редакторам издательства. Что же касается таких написаний, как «эстокада» и «оффицианта», то в первой половине 1920-х они отвечали орфографической норме.

В последней строке присутствует тире после точки, завершающей фразу. Такой особенностью отмечены многие письма Бабеля — знак тире в этих случаях обозначал конец абзаца.

Ярко индивидуальной особенностью является и регулярная передача удвоенного -н- одинарным:

«распущеное» (Л. 1); «иностраных» (Л. 1); «растерзаного» (Л. 2); «длино» (Л. 4). Исключение: «продовольственных (экспедициях)» — официальный термин, представляющий в тексте Бабеля как бы словом другого языка со всеми своими орфографическими атрибутами.

⁴ РГБ НИОР. Ф. 178. Карт. 9585а. Ед. хр. 1. ЛЛ. 1—3.

Не исключено, что и прочие удвоенные написания представляли для Бабея проблему — см. «Одес[к]ское» (Л. 1)...

Примечателен и иной — не орфографический — момент авторских колебаний:

«Начало литературной моей работы я отношу поэтому к [концу] *началу* 192[3]4 г., когда в 4 книге журнала Леф появились мои рассказы <*sic!*>: Соль, Письмо, Смерть Долгушова, Король и др.»

Можно подумать, что Бабель попросту запутался в своих публикациях. В 1924 году журнал «ЛЕФ» напечатал всего один его рассказ — «Мой первый гусь». И он, действительно, был опубликован в № 1 — т. е. «в начале года». Зато все четыре перечисленных рассказа увидели свет в «конце года» — в № 4 (август—декабрь) журнала «ЛЕФ», но за 1923 год⁵!

Проблему разрешила Е. И. Погорельская (в письмах от 2 и 6 мая 2014 г.): неуверенность Бабея была вызвана тем, что 4-й номер журнала «ЛЕФ» за 1923 год вышел в свет в самом начале 1924 года и на обложке стоит дата — 1924! А № 1 за 1924 год появился лишь в мае.

Е. И. Погорельская отметила и три разночтения рукописной и печатной версий:

«На переменах мы уходили бывало в порт <...> или на Молдаванку пить в **погребках** дешевое бессарабское вино» ~ «На переменах мы уходили бывало в порт <...> или на Молдаванку пить в **погребах** дешевое бессарабское вино»;

«<...> с пятнадцати лет начал писать [разскз] рассказы <*sic!*> на французском языке. Я писал их два года, но потом бросил; **пейзаж** и всякие авторские размышления выходили у меня [очень] безцветно <*sic!*> <...>» ~ «<...> с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке. Я писал их два года, но потом бросил; **пейзаны** и всякие авторские размышления выходили у меня безцветно <*sic!*> <...>»;

---

⁵ «Др.» рассказы, опубликованные в № 4 журнала «ЛЕФ»: «Начальник конзапаса» (впоследствии: «Дьяков»), «Комбриг два» (впоследствии: «Колесников») и «Прищеп».

«В Петербурге мне пришлось ужасно **туго** <...>» ~ «В Петербурге мне пришлось ужасно **худо** <...>». ⁶

Предпочтение во всех случаях следует, видимо, отдавать рукописной версии: речь идет не о погребках, а винных погребках; сомнительно, чтобы подросток, едва ли знакомый с жизнью южнорусских крестьян, принялся вдруг живописать быт и нравы вовсе неведомых ему поселян заграничных; «худо», чаще всего, описывает физическое состояние человека (например, недомогание), тогда как в характеристике трудностей административных (отсутствие «правожительства») куда уместнее слово «туго».

Заслуживает внимания и то, что в рукописи отсутствует.

К перечню мест службы Бабеля —

«<...> служил в Чека, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 года, в северной армии против Юденича, в 1 Конной армии, в Одесском губкоме, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч. и проч.» — печатная версия добавляет:

«<...> в 1-й Конной армии, в Одесском Губкоме, **был репортером в Петербурге и в Тифлисе**, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч.»

Кроме того, в печатном тексте мы находим указание на место и время написания автобиографии:

«Сергиев Посад
Ноябрь 1924»,

а также раздел:

«БИБЛИОГРАФИЯ

«КОНАРМИЯ». (Выходит).

«ОДЕССКИЕ РАССКАЗЫ». (Выходит).

«РАССКАЗЫ». Изд. «Огонек». М. 1925.

Отдельные рассказы: в журн<алах> «Леф»,

«Красная Новь», Альман<ах> «Крут» и др.».

---

⁶ Бабель И. Рассказы / Сост., подг. текстов, послесловие, комм. Е. И. Погорельской. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 9.

Поскольку все эти подробности могли быть известны лишь самому Исааку Бабелю, несомненно, что в окончательный текст их внес именно он, а не редактор. Таким образом, на всем своем протяжении данный текст автобиографии является авторским.

В 1928 году сборник «Писатели» вышел вторым «дополненным и исправленным» изданием, но автобиография Бабеля⁷ существенных изменений не претерпела: было устранено упоминание места и времени ее написания, а раздел «Библиография» приобрел следующий вид:

ОДЕССКИЕ РАССКАЗЫ.

РАССКАЗЫ. Изд. «Огонек». М. 1925.

РАССКАЗЫ. 1925. ГИЗ; 2-е изд. 1927.

ИСТОРИЯ МОЕЙ ГОЛУБЯТНИ. Рассказы. — ЗИФ М. Л. 1926 г.

БЛУЖДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ. Кино-сценарий. — М. «Кино-печать» 1926 г.

БЕНЯ КРИК. Кино-повесть. «Круг» М. 1926 г.

КОНЕЦ СВ. ИПАТИЯ. Рассказы. «Зиф» М. Л. 1926 г.

КОНАРМИЯ. Рассказы. — «Гиз» М. Л. 1926 г. — изд. 2-е «Гиз» М. Л. — 1927 г.

ЗАКАТ. Пьеса. Изд. «Круг» М. 1928.

Кроме того, текст подвергся незначительной орфографической правке:

«имени Императора Николая I училище» > «императора»

«М-г Вадон» > «т-г Вадон»

«безцветно» > «бесцветно»

«оффицианта» > «оффицианта»

---

⁷ Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. Под ред. Вл. Лидина. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Современные проблемы, 1928. С. 34—35.

В том же 1928 году текст первого издания был перепечатан⁸ в сборнике «И. Э. Бабель: Статьи и материалы»⁹. Поскольку к работе над этой версией автобиографии Бабель был, очевидно, не причастен, отметим лишь три ее особенности, поскольку они увековечены в неприжизненных изданиях.

Пропуск фразы: «Это было веселое, распущенное, шумливое, разноязычное училище» — и два случая изменения порядка слов:

«с литературой у меня ничего не выходит и что пишу я удивительно плохо» — «я пишу»; «служил <...> в Одесском Губкоме, был репортером в Петербурге и в Тифлисе, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч.» — «в Одесском Губкоме, был выпускающим в 7-й советской типографии в Одессе, был репортером в Петербурге и в Тифлисе и проч.»

Но уже полвека известно о существовании еще одного варианта бабелевской автобиографии¹⁰ — хранящейся в РГАЛИ машинописи с авторской правкой¹¹. Полностью текст этот до сих пор не воспроизводился¹².

Л. 1.

И. БАБЕЛЬ

Родился [в 1894 году] в Одессе, на Молдаванке, сын торговца еврея. По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, библию, талмуд. Дома [жилоь трудно, потому что] с утра до ночи заставляли заниматься множеством

---

⁸ Это следует из сохранения указания на место и время написания автобиографии:

«Сергиев Посад
Ноябрь 1924»

⁹ И. Э. Бабель: Статьи и материалы. (Мастера современной литературы. II). Л.: Academia, 1928. С. 7—9.

¹⁰ Лившиц Л. Я. К творческой биографии Исаака Бабея // Вопросы литературы. 1964. № 4.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1559. Оп. 1. Ед. хр. 3.

¹² В квадратных скобках даны [вычеркнутые написания]; жирным курсивом — *вставки* и *замены*; цифры, заключенные в фигурные скобки и данные *курсивом*, обозначают указание на перемену порядка слов.

наук. Отдыхал я в школе. Школа [моя] называлась Одесское Коммерческое имени императора Николая I училище.

Это было веселое, распущенное, шумливое, разноязычное училище. Там обучались сыновья иностранных купцов, дети еврейских маклеров, [сановитые] поляки *благородного происхождения*, старообрядцы и много великовозрастных биллиардистов.

На переменах мы уходили [бывало] в порт, на эстокаду <sic!>, или в греческие кофейни играть на биллиарде, или на Молдаванку пить в погребах дешевое бессарабское вино. [Школа эта незабываема для меня еще и потому, что учителем французского языка был там м-р <sic!> Вадон. Он] *Лучше других предметов преподавался [у нас] французский язык.* Учитель был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. [Он обучил меня своему языку, я] Я затвердил с ним [французских] классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке. Z[Я писал их два года, но потом бросил: пейзажи и всякие авторские размышления выходили у меня бесцветно, только диалог удавался мне.]

[Потом, п]После окончания училища *меня отправили* [я очутился] в Киев[е]; [и] в 1915 году *я очутился* в Петербурге. В Петербурге [мне] пришлось [ужасно] худо; [у меня] не было «правожителства», я избегал полиции и квартировал в погребе на Пушкинской улице у [одного] растерзанного пьяного *оффицианта*. [Тогда в] **В 191[5]6** году я начал разносить мои сочинения {2} по редакциям {1}, [но] меня отовсюду гнали, [все] редакторы (покойный Измайлов, Поссе и др.) *все* убеждали [меня] поступить [куданибудь] в лавку *приказчиком*, [но] я не послушался [их] и в конце 1916 г. попал к Горькому. [И вот — я всем обязан э]Этой встрече *я обязан всем* [и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благовоением <sic!>.

Он] *Горький* напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке «Летописи» за 1916 год ([я был привлечен] *меня привлекли* за эти рассказы к [уголовной] ответственности

Л. 2.

по 1001 ст.), он научил меня [необыкновенно] важным вещам, и потом, когда выяснилось, что два-три сносных [моих] юношеских опыта были всего только случайной удачей, и что с литературой у меня ничего не выходит и что пишу я удивительно плохо, — Алексей Максимович отправил меня в люди. [И я н]За семь лет — с 1917 по 1924 — [ушел в люди] *много пришлось узнать*. [За это время я] **Я** был солдатом на румынском фронте, потом служил в Чека, в Наркопросе <sic!>, в продовольственных экспедициях 1918 г., в северной армии против Юденича, в 1-й Конной армии, в Одесском Губкоме, был репортером в Петербурге и Тифлисе, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч. И только в 1923 г. я научился выражать мои мысли ясно и не очень длинно. [Тогда я вновь принялся сочинять.] Начало литературной [моей] работы [я] отношу, поэтому, к [началу] 1924 г., когда в [4-й книге] журнал[а]е «Лев» появились [мои] рассказы «Соль», «Письмо», «Смерть Долгушова», «Король» и др.

За два года были написаны «Конармия» и «Одесские рассказы». Потом снова настала для меня пора странствий, молчания и собирания сил. Я стою теперь перед началом новой работы.

[И. Бабель]

БИБЛИОГРАФИЯ

- Одесские рассказы.
Рассказы. Изд. «Огонек» М. 1925.
Рассказы. 1925. ГИЗ; 2-е изд. 1927.
История моей голубятни. Рассказы. — ЗИФ М. Л. 1926.
Блуждающие звезды. Кино-сценарий. М. «Кинопечать» 1926.
Беня Крик. Кино-повесть. «Круг» М. 1926.
Конец Св. Ипатия. Рассказы. «ЗИФ» М. Л. 1926.
Конармия. Рассказы. — ГИЗ М. Л. 1926 г. — изд. 2-е ГИЗ М. Л. — 1927 г.
Закат. Пьеса Изд. «Круг» М. 1928.

Совершенно очевидно, что источником машинописной копии, которую правил Бабель, явился текст, опубликованный во 2-м издании сборника «Писатели» (1928).

Был изготовлен и машинописный беловик, учитывающий все внесенные Бабелем правки. Для удобства дальнейших рассуждений приведем его полностью.

Л. 3.

[И. БАБЕЛЬ] Исаак Эммануилович Бабель

Родился в Одессе, на Молдаванке, сын торговца еврея. По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, библию, талмуд. Дома с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе. Школа называлась Одесское Коммерческое имени императора Николая I училище. Это было веселое, распущенное, шумливое, разноязычное училище. Там обучались сыновья иностранных купцов, дети еврейских маклеров, поляки благородного происхождения, старообрядцы и много великовозрастных биллиардистов. На переменах мы уходили в порт, на эстокаду <sic!>, или в греческие кофейни играть на биллиарде, или на Молдаванку пить в погребах дешевое бессарабское вино.

Лучше других предметов преподавался французский язык. Учитель был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы. Я затвердил с ним классиков, сошелся близко с французской колонией в Одессе и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке.

После окончания училища меня отправили в Киев; в 1915 году я очутился в Петербурге. В Петербурге пришлось худо; не был о <sic!> «правожителства», я избегал полиции и квартировал в погребе на Пушкинской улице у¹³ растерзанного пьяного официанта. В 1916 году я начал разносить по редакциям мои сочинения, меня отовсюду гнали, редакторы (покойный Измайлов, Поссе и др.) все убеждали поступить в лавку приказчиком, я не послушался и в конце 1916 года попал

---

¹³ Машинописная вставка.

к Горькому. Этой встрече я обязан всем. Горький напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке «Летописи» за 1916 год[,] ([м][М]меня привлекли за эти рассказы к ответственности по 1001 ст.), он научил меня важным вещам, и потом, когда выяснилось, что два-три сносных юношеских опыта был и <sic!> всего только случайной удачей, и что с литературой у меня ничего не

Л. 4.

выходит и что пишу я удивительно плохо — Алексей Максимович отправил меня в люди. За семь лет — с 1917 по 1924 — много пришлось узнать. Я был солдатом на румынском фронте, потом служил в Чека, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 г., в северной армии против Юденича, в 1-й Конной армии, в Одесском Губкоме, был репортером в Петербурге и Тифлисе, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч. И только в 1923 г. я научился выражать мои мысли ясно и не очень длинно[:].¹⁴ Начало литературной работы отношу, поэтому <sic!> к 1924 г., когда в журнале «Леф» появились рассказы «Соль», «Письмо», «Смерть Долгушова», «Король» и др. За два года были написаны «Конармия» и «Одесские рассказы». Потом снова настала для меня пора странствий, молчания и собирания сил. Я стою теперь перед началом новой работы.¹⁵

БИБЛИОГРАФИЯ

Одесские рассказы.

Рассказы. Изд. «Огонек» М. 1925.

Рассказы. 1925. ГИЗ; <sic! — очевидно, попытка передать [;]> 2-[е]о¹⁶ изд. 1927.

История моей голубятни. Рассказы. — ЗИФ. М. Л. 1926.

---

¹⁴ Машинописная правка.

¹⁵ Данная часть белой машинописи была опубликована в сборнике: Бабель И. Детство и другие рассказы / Подг. текста, комм. и библиогр. Э. Зихера (Оксфорд). Иерусалим: Библиотека-Алия, 1979. С. 7—8.

¹⁶ Машинописная правка.

Блуждающие звезды. Кино-сценарий. М. «Кинопечать» 1926 г.

Беня Крик. Кино-повесть. «Крут» М. 1926.

Конец Св. Ипатия. Рассказы. «ЗИФ» М. Л. 1926.

Конармия. Рассказы. — ГИЗ М. Л. 1926 г. изд. 2-е ГИЗ М. Л. — 1927 г.

Закат. Пьеса Изд. «Крут» М. 1928.

Рассказы. изд-во «Федерация» М. 1932 г.

Ни черновик, ни беловик не содержат даты. Тем не менее, представляется возможным определить временные рамки работы над текстом.

Сведения о сборнике «Рассказы» 1932 года были внесены Бабелем лишь в беловик. По всей видимости, к моменту завершения черновика сборник еще не вышел в свет. И, действительно, появился он с большим опозданием: «Книжная летопись» зафиксировала его (под № 2344) лишь в 6-ом — февральском — выпуске за 1933 год¹⁷!

А из этого следует, что работа над черновиком была завершена не позднее января 1933 года, а беловик подвергся правке не ранее февраля того же года.

К такому выводу мы бы, несомненно, пришли, останься новый вариант автобиографии непечатным. А он был напечатан! Только не на русском языке, а по-немецки — в двудесятом (4/5) номере московского журнала «Internationale Literatur» за 1932 год.

Автобиография Бабеля вошла в подборку «Autobiographien der Sowjetschriftsteller». Публикации предпослано предупреждение редакции («Vorbemerkung der Redaktion»), что из автобиографий устранены подробности, несущественные («unwichtigsten») для немецкого читателя. Бабелевский текст утратил лишь одну деталь — об угрозе привлечения к уголовной ответственности по 1001-й статье.

---

¹⁷ Книжная летопись // 1933. № 6 (февраль); номер был дан в набор 2 февраля и подписан к печати 8 февраля 1933 г.

ISAAK BABEL

Ich wurde in Odessa, im Moldawanka-Viertel, als Sohn eines jüdischen Händlers geboren. Auf den dringenden Wunsch meines Vaters lernte ich bis zum 16. Lebensjahre hebräisch <sic!>¹⁸ und studierte die Bibel und den Talmud <sic!>¹⁹. Vom frühen Morgen bis zum späten Abend mußte ich lernen. Nur in der Schule erholte ich mich. Die Schule hieß: Odessaer Kommerzschule «Kaiser Nikolaus des Zweiten» <sic!>²⁰. Diese Schule besuchten Söhne ausländischer Kaufleute und jüdischer Makler, adlige Polen, Altgläubige und viele schon nicht mehr ganz junge Billardfreunde. In den Schulpausen gingen wir in den Hafen, auf den Kai oder in griechische Cafés, um dort Billard zu spielen, oder in die Moldawanka, um in Weinstuben billigen bessarabischen Wein zu trinken.

Besser als alle anderen Fächer wurde die französische Sprache gelehrt. Unser Lehrer stammte aus der Bretagne und besaß, wie alle Franzosen, literarische Begabung. Ich lernte die Klassiker kennen, schloß mich der französischen Kolonie in Odessa an und schrieb mit 15 Jahren französische Erzählungen.

Nach Absolvierung der Schule wurde ich nach Kiew geschickt. Im Jahre 1915 kam ich nach Petersburg. In Petersburg ging es mir schlecht. Ich habe kein «Wohnrecht». Ich wich der Polizei aus und hauste bei einem elenden, immer betrunkenen Kellner in einem Keller in der Puschkinstraße. Im Jahre 1916 begann ich, meine Werke von Redaktion zu Redaktion zu schleppen. Man jagte mich davon, und alle Redakteure (der verstorbene Ismailow, Posse u. a.) redeten mir zu, Verkäufer in einem Laden zu werden. Doch ich hörte nicht auf sie und kam

---

¹⁸ Неверный перевод: написание hebräisch (вместо правильного Hebräisch «древне-еврейский язык») означает, что в данном случае слово выступает в функции наречия: «по древне-еврейскому обычаю (или обыкновению)».

¹⁹ Немка-машинистка, видимо, приняла термин Talmud за сочетание знакомых слов Tal «долина» и Mund «рот» (роман Г. Гессе «Narziß und Goldmund» был опубликован в 1930 г. и сразу стал литературным событием).

²⁰ Наличие кавычек означает, что школа не носила имя императора, а прямо так и называлась «Императора Николая Второго». А это уже двойная ошибка — училищу было присвоено имя императора Николая *Первого!*

Ende 1916 zu Gorki. Dieser Begegnung verdanke ich alles. Gorki ließ meine Erzählungen in der Novemberausgabe der Zeitschrift «Letopisy» <sic!> vom Jahre 1916 drucken. Er brachte mir vieles Wichtige bei, und als es sich später herausstellte, daß die zwei oder drei erträglichen Jugendversuche nur glücklicher Zufall gewesen waren, daß aus meiner Schreiberei nichts Rechtes wurde und daß ich ausnehmend schlecht schreibe, schickte mich Alexej Maximowitsch in die Welt. Innerhalb von sieben Jahren, 1917—1924, habe ich vieles gesehen. Ich war Soldat an der rumänischen Front, arbeitete sodann in der Tscheka, im Bildungskommissariat, beteiligte mich im Jahre 1918 an Proviantexpeditionen, diente in der nördlichen Armee, die gegen Judenitsch kämpfte, dann in der Ersten Reiterarmee, war im Odessaer Gouvernementskomitee angestellt, betätigte mich als Reporter in Petersburg und Tiflis, arbeitete als Umbrecher in der 7. Sowjetdruckerei in Odessa, usw. Erst 1923 habe ich wirklich die Kunst gelernt, meine Gedanken klar und nicht sehr weitschweifig auszudrücken. Als den Beginn meiner literarischen Tätigkeit betrachte ich daher das Jahr 1924, in dem meine Erzählungen «Salz», «Der Brief», «Dolguschows Tod», «Der König» u. a. in der Zeitschrift «Lef» erschienen. Innerhalb zweier Jahre habe ich die «Reiterarmee» und die «Odessaer Geschichten» geschrieben. Und dann began wieder die Zeit der Wanderschaft, der Schweigsamkeit und der Kräftesammelns. Ich stehe jetzt vor dem Beginn einer neuen Arbeit²¹.

Перевод не из лучших, да к тому же обнаруживает незнакомство с русскими литературными реалиями: в пассаже «в ноябрьской книжке „Летописи“» родительный падеж единственного числа принят за именительный множественного, отчего название «Летопись» превратилось в «Letopisy» (непонятно, кстати, откуда здесь взялась буква *y* — обычно она служит для передачи русского *ы*); выражение «в люди», отсылающее к повести Горького, передано невнятным «in die Welt» (особенно нелепым при обратном переводе на русский: получается или «отправить в мир» с его церковно-монашеской коннотацией, или «пустить по миру» — то есть с нищенской

²¹ Internationale Literatur. — Moskau. 1932. № 4—5. SS. 20—21.

сумой! Единственно уместным здесь было бы, конечно: «узнать мир и людей»...). Не разобрался, видимо, редактор и с 1001-й статьей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, трактующей о сочинениях, имеющих целью развращение нравов или явно противных нравственности. Будучи разъясненной, такая подробность (*Einzelheit*) могла заинтересовать и немецкого читателя.

Тем не менее, все признаки (в частности, наличие нового финала: «За два года были написаны „Конармия“ и „Одесские рассказы“». Потом снова настала для меня пора странствий, молчания и собирания сил. Я стою теперь перед началом новой работы» ~ «Innerhalb zweier Jahre habe ich die „Reiterarmee“ und die „Odessaer Geschichten“ geschrieben. Und dann began wieder die Zeit der Wanderschaft, der Schweigsamkeit und der Kräftesammelns. Ich stehe jetzt vor dem Beginn einer neuen Arbeit») однозначно указывают на то, что оригиналом послужил правленный Бабелем текст.

Как же объяснить тогда появление в белой машинописи сведений о книге, вышедшей через 8 месяцев после публикации автобиографии?

Пожалуй, так: первый экземпляр машинописи в 1932 году был сдан в редакцию «Internationale Literatur», а в архиве отложился второй экземпляр — машинописная копия, в которую год спустя, задним числом, Бабель внес новую запись. В ожидании предложений, которые поступят в будущем. Но это будущее наступило только сейчас.

* * *

А теперь, когда установлен заказчик новой версии, остается ответить на вопрос: что заставило Бабеля перерабатывать текст автобиографии, а не ограничиться тремя актуализирующими повествование финальными фразами?

Ответ, как будто, очевиден — изменение требований к собственному тексту. Выбрасывается все лишнее, чем достигается компактность и энергичность.

«Родился в 1894 году в Одессе, на Молдаванке, сын торговца еврея. По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, библию, талмуд. Дома ~~жилось трудно, потому что~~ с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе. Школа ~~моя~~ называлась <...>»

«~~Он обучил меня своему языку, я~~ Я затвердил с ним французских классиков <...>»

«И только в 1923 г. я научился выражать мои мысли ясно и не очень длинно. ~~Тогда я вновь принялся сочинять.~~ Начало литературной ~~моей~~ работы я отношу, поэтому, к началу 1924 г., когда в 4-й книге журнала «Лев» появились мои рассказы „Соль“, „Письмо“ <...>»

И т. п.

Но текст подвергся не только актуально-стилистической правке. Центральным моментом автобиографии была и осталась тема литературного ученичества. Понятно, что выбор на роль учителя великого пролетарского писателя Горького равно импонирует, как составителям советских сборников, так и журналу, выходившему под эгидой Международного объединения революционных писателей. Тем примечательнее перемены, касающиеся именно этой фигуры.

Первое упоминание сохранено в неприкосновенности:

«<...> в конце 1916 г. попал к Горькому».

Начало следующей фразы подверглось стилистической правке:

«~~И вот — я всем обязан~~ Этой встрече **я обязан всем** <...>»

Но зато продолжение —

«и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением»

— устранено полностью!

Снова стилистическая правка:

«~~Он~~ Горький напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке „Летописи“ за 1916 год (~~я был привлечен~~ меня *привлекли* за эти рассказы к уголовной ответственности по 1001 ст.) <...>».

Но в продолжении фразы исчезает суперлатив:

«он научил меня ~~необыкновенно~~ важным вещам!»!

Было:

«Алексей Максимович отправил меня в люди. И я на семь лет — с 1917 по 1924 — ушел в люди».

Это не повторение названия горьковского произведения, но скрытая цитата — заключительный абзац повести А. М. Горького «Детство»:

«Через несколько дней после похорон матери дед сказал мне:

— Ну, Лексей, ты — не медаль, на шее у меня — не место тебе, а иди-ка ты *в люди*...

И пошёл я в люди».

Стало:

«Алексей Максимович отправил меня в люди. За семь лет — с 1917 по 1924 — *много пришлось узнать*».

Следовательно, перед нами не борьба с монотонностью («в люди» ~ «~~в люди~~»), но отказ цитировать Горького!

Может показаться, что речь, в конце концов, идет о нескольких словах. Но когда пространство текста столь обширно (4 фразы!) весомость каждого слова неизмеримо возрастает — как в стихе.

Начиная с публикации переписки Горького и Бабеля в знаменитом 70-м томе «Литнаследства»²², принято считать

---

²² [Доморацкая С. И.] Горький — И. Э. Бабель // Горький и советские писатели: Неизданная переписка / Литературное наследство. Т. 70 (М.: Изд-во АН СССР, 1963). С. 38—44.

отношение младшего коллеги к старшему благоговейно-любовным. Выясняется, однако, что опубликованы еще не все письма²³, а отношение Бабеля к Горькому могло меняться...

Автобиография Бабеля была напечатана в апрельско-майском номере «Internationale Literatur». Поскольку она входит в подборку автобиографий целого ряда советских писателей, очевидно, что публикации предшествовала довольно длительная подготовка — писатели должны были привести свои жизнеописания в согласие с текущим моментом, затем следовало эти тексты перевести, отредактировать... В силу чего, учитывая также необходимость проведения всех журнальных материалов через тройную (Главлит, Агитпроп ЦК ВКП(б), Коминтерн) цензуру²⁴, мы вряд ли ошибемся, допустив, что подготовительная работа началась не позже зимы 1931—32 гг.

А осенью 1931 года Бабель посетил Вячеслава Полонского:

«5/X, 31. <...> Вчера звонил Бабель: приду читать новый рассказ. Сегодня явился <...>

Он доволен своим одиночеством. Живет один — в деревне (туфли, чай с лимоном, в комнате температура не ниже 26°). Не хочет видеть никого.

Говорит о Горьком: „Старик изолгался. Не говорит со мной о литературе ни слова. Лишь изредка спросит, например: «Как вы относитесь к Киршону?». А я в ответ: «Как вы, Алексей Максимович?»»²⁵.

Вполне понятно желание Бабеля не числиться более в учениках такого учителя. Но дальше частных разговоров дело не шло — печатные отзывы Бабеля о Горьком оставались безупречно комплиментарными.

---

²³ Райнхард Крумм приводит шифр (Кг-п 7-17-6) хранящегося в Архиве Горького (ИМЛИ) неопубликованного письма Бабеля от 5 июля 1932 г. (Крумм Р. Исаак Бабель: Биография. Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2008. С. 125).

²⁴ Блюм А. «Интернациональная литература»: подцензурное прошлое // Иностранная литература. 2005. № 10.

²⁵ Полонский В. «Моя борьба на литературном фронте»: Дневник. Май 1920 — январь 1932 / Подг. текста, публ. и комм. С. В. Шумихина // Новый мир. 2008. № 6. С. 148.

Как же отважился он — пусть и обиняками — заявить о своем истинном отношении открыто?

Впрочем, и риск был не особо велик — если не заниматься сравнительным анализом, переработанный текст можно было счесть вполне приемлемым. Сам Алексей Максимович немецким не владел, а в маловероятном случае, что какой-то добродух доставил бы ему перевод, Бабель всегда мог сослаться на редакторское уведомление о произведенных в тексте сокращениях. А немецкий редактор... Разве немцу дано понять, что такое русская литература и кто составляет истинное ее величие?